ВМЕСТЕ ИНЭЙНЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного еврейского фонда „Турбота поколінь – Хэсэд Дорот”

Издаётся с декабря 2000 года.

Нисан/Ияр/Сиван 5782 май 2022 №5(245)

Шавуот – праздник дарования Торы

Праздник Шавуот – один из трёх „паломнических праздников”, когда все еврейские мужчины должны были „предстать пред Б-гом, Всесильным твоим, в месте, которое Он изберёт”. Шавуот отмечают на шестой день месяца Сиван. В Израиле праздник длится один день, а в диаспоре – два. Он получил своё название потому, что наступает после того, как отсчитано семь недель („шева шавуот”) от праздника Песах. Вс-вышний, избирая нас для великой миссии, поклялся, что не заменит нас никаким другим народом, а мы поклялись, что никогда не откажемся от Торы и от служения Ему. Эти две клятвы (на иврите „швуот”) – ещё одно объяснение названию праздника Шавуот. Мудрецы называют этот праздник „Ацерет”, т.е. „Собрание” или „День завершения праздника”. Подобно этому последний, восьмой, день праздника Суккот называется „Шмини ацерет”, т.е. „Собрание (на) восьмой (день)”. В Шавуот завершается череда праздников, которые мы отмечаем в память о процессе „рождения” народа Израиля – от Исхода из Египта до Дарования Торы. И вообще, праздник Шавуот – однозначный рекордсмен среди еврейских праздников по... количеству названий. Праздник Дарования Торы, праздник жатвы, праздник (приношения) первинок, праздник собрания – вот перечень его „официальных” имён.

Все праздники паломничества изначально связаны с сельскохозяйственным циклом. В Песах начинали убирать озимый ячмень. В Суккот заканчивали сбор урожая. Не был исключением и Шавуот. Это подчёркивается двумя другими его названиями: „Хаг а-кацир” („праздник жатвы”) и „Йом а-бикурим” („день первых плодов”), ибо он совпадает с началом жатвы пшеницы и сбором плодов, которые приносили в Храм в качестве благодарственной жертвы. Начиная с Шавуот можно было использовать новый урожай озимой пшеницы. Кроме того, после этого праздника в Храм начинали приносить первинки плодов земли Израиля – бикурим.

Сельскохозяйственный аспект осеннего праздника Суккот не был забыт на протяжении веков изгнания, а вот Песах и Шавуот ждала совсем другая судьба. В еврейском сознании они ассоциируются лишь с величайшими событиями истории человечества: Исходом и его кульминацией – Дарованием Торы.

В Песах мы празднуем Исход из Египта, о чём прямо сказано в Торе. Об этом событии напоминают и заповеди, связанные с праздником, – пасхальная жертва (в память об агнце, которого евреи принесли в жертву накануне Исхода), маца, запрет есть квасное („ибо тесто ещё не скисло, потому что они выгнаны были из Египта и не могли медлить”), наконец, заповедь, обязывающая рассказывать в этот день об Исходе.

Но с Шавуотом дело обстоит иначе. Нет ни одной специфической заповеди, связанной с этим праздником. Предписания Шавуот подчёркивают исключительно сельскохозяйственный аспект этого дня. Пока существовал Храм, в Шавуот совершалось специальное хлебное жертвоприношение, испечённое из зёрен нового урожая.

Кроме того, в Торе нигде прямо не сказано, в какой день следует праздновать Шавуот. Пятикнижие лишь сообщает, каким образом можно вычислить эту дату относительно Песаха. Причём это сделано в неоднозначной форме, что дало повод для многочисленных споров и разногласий: „И отсчитайте себе ми-махарат а-шабат, от дня приношения вами омера возношения, семь недель; полными да будут они. До дня после седьмой недели отсчитайте 50 дней и принесите новое хлебное приношение Г-споду… И провозглашайте в тот самый день: священное собрание да будет у вас; никакой работы не делайте”.

В большей части изданий Торы слова „ми-махарат а-шабат” переводят как „от второго дня праздника (Песах)”. Это прочтение соответствует еврейской религиозной практике, согласно которой Шавуот наступает на пятидесятый день после Песаха (отсюда – русское название праздника „Пятидесятница”). Однако основное значение слова „шабат” – „суббота”. Поэтому эти слова можно понять иначе – 50 дней следует отсчитывать от первой субботы после Песаха. То есть, если Песах, к примеру, выпал на воскресенье – следует подождать почти неделю, дождаться первого шабата и только тогда начать отсчёт дней и недель.

В конце эпохи Второго храма вопрос о том, когда следует праздновать Шавуот, стал одной из основных причин разногласий между двумя главными религиозными течениями того времени – фарисеями и саддукеями. Саддукеи, следуя букве Писания, полагали, что „шабат”, о котором говорит Тора, – это первая суббота после праздника Песах. Фарисеи же утверждали, что слово „шабат” в Писании может означать как субботний, так и праздничный день, поскольку созидательный труд в эти дни запрещён, и Тора имеет в виду сам праздник Песах.

Как мы знаем, благодаря полемическому таланту рава Йоханана бен Закая победа, в конце концов, осталась за фарисеями. Пятидесятый день „от второго дня праздника Песах” всегда приходится на 6 Сивана. Поэтому Шавуот, подобно остальным еврейским праздникам, получил „постоянную прописку” в еврейском календаре.

Как мы уже сказали, в Торе Шавуот упоминается только как праздник, связанный с сельскохозяйственным циклом. Для крестьянина, обрабатывавшего свой надел где-нибудь в Иудее или Галилее, смысл этого праздника был понятен и „вещественен”. Отпраздновав Шавуот, он брал серп и шёл жать пшеницу. Однако уже в эпоху Второго храма всё больше евреев переселялись в города. Кроме того, множество евреев проживало в странах диаспоры, чей сельскохозяйственный календарь отличался от израильского. Нетрудно догадаться, что для этих людей сельскохозяйственный смысл праздника мало что значил. Но праздник не утратил своего значения, став исключительно праздником Дарования Торы. Шавуот сохранил актуальность для каждого еврея, где бы он ни жил и чем бы ни занимался.

Все заповеди Шавуот (хлебное приношение, бикурим и т.д.) были связаны с Храмом. Соответственно, после разрушения Храма выполнение этих заповедей стало невозможно. Однако празднование Шавуот как годовщины Дарования Торы привело к возникновению обычаев, которых можно придерживаться независимо от обстоятельств времени и места.

Наиболее популярный из этих обычаев – провести всю праздничную ночь бодрствуя, посвящая её учебе. Основополагающая книга каббалы „Зогар” говорит о ночи праздника Шавуот: „Праведники прошлых поколений не спали в эту ночь, проводя её за изучением Торы”. Следуя этому обычаю, мы не спим в ночь Шавуот. Во многих общинах принято читать в это время специальный сборник текстов.

Сказано, что в ночь перед Дарованием Торы у горы Синай сыны Израиля, наши с вами прадеды, спали спокойным сном. Можно было бы предполагать, что они будут бодрствовать, ожидая рассвета, но этого не случилось. Мы исправляем их „ошибку”, проводя всю ночь за изучением Торы.

В Средние века в общинах Европы возник другой интересный обычай – в Шавуот маленькие дети получали свой первый урок Торы. Впервые эта практика упоминается в трудах рава Элиэзера из Вормса (1160–1230). По его словам именно в Шавуот еврейских детей впервые приводили в хедер, где учитель знакомил их с еврейским алфавитом. А чтобы учение шло веселее, буквы намазывали мёдом и давали детям его слизнуть.

По обычаю во время утренней трапезы в Шавуот едят молочную пищу – в память о том, что сразу после Дарования Торы, получив законы о запрещённой пище, сыны Израиля не могли пользоваться посудой, пока не откошеровали её, поэтому они ели только молочное. А поскольку дело было в субботу, то почистить посуду и приготовить кошерное мясо им удалось только на следующий день.

В праздник Шавуот в синагоге читают главу Торы, в которой говорится о её даровании, а Десять заповедей читают на особый мотив: он должен напомнить нам о голосе Вс-вышнего, услышанном тогда нашими предками. Поэтому принято для слушания Десяти заповедей, ежегодного принятия Торы, приводить в синагогу детей, даже самых маленьких.

В 2022 году праздник Шавуот выпадает на 5 и 6 июня. Хорошего вам праздника!

Евгений ЛЕВИН.

Благородство человека, как и понятие времени, не может иметь точного и полного определения. Однако человек, обладающий им, может вершить поистине великие дела, которые останутся в памяти следующих поколений. История моавитянской женщины Рут может служить тому ясным подтверждением.

О прабабушке царя Давида

Рут родилась в 1007 году до н.э. в семье моавитянского царя Эглона – властителя страны крайне враждебно настроенной, как к собственно евреям, так и к Израилю. Но принцесса Моава сумела преодолеть эти противоречия, в результате чего стала праматерью самых великих царей Израиля – Давида и Соломона. И помогло ей в этом, не только невероятное стечение независящих от воли Рут обстоятельств, но и величайшее благородство этой женщины.

Случилось так, что однажды в районе города Бейт-Лехем (одно из названий Вифлеема) был неурожайный год. Из-за этого семья знатного и богатого горожанина Элимелеха решила эмигрировать в соседний Моав, в котором откровенного голода не было. К слову, Эхимелех входил в число знаковых для евреев людей. Его корни уходили к самому Йегуде – родоначальнику одного из колен Израилевых. Захватив с собой жену Наоми и двух сыновей, Махлона и Кильйона, Эхимелех прибыл в Моав.

Знатный израильтянин поначалу думал только „пересидеть” в Моаве голодный период на своей родине, однако наследника одного из колен Израиля в Моаве приняли уж слишком хорошо. При условии, что Эхимелех останется в Моаве навсегда, ему была дарована свобода действий, а сыновьям отдавали в жёны принцесс Орпу и Рут. От такого предложения отказаться было нельзя, поэтому все мужчины семьи решили навсегда осесть в Моаве. Решение оказалось роковым для них. Один за другим они, разорившись, ушли из жизни, оставив своих жён бедными вдовами.

Старшая из женщин Наоми решила оставить Моав и возвратиться в Израиль. Обе невестки, заявив, что не оставят свекровь одну, отправились вместе в ней. У границы двух государств Наоми предложила молодым вдовам сделать окончательный выбор: возвратиться назад, к своему отцу, царю Моава Эглону, или пойти с ней в неизвестность и бедность. Орпа решила вернуться обратно. Впоследствии она создала новую семью, из которой вышел злодей Голиаф. Рут же отказалась возвращаться. Приняв еврейскую религию, она всем сердцем воспылала любовью к единому Б-гу, а значит, в душе стала еврейкой, решив навсегда связать свою жизнь с еврейским народом, чего бы ей это не стоило.

Наоми и Рут возвратились в Бейт-Лехем полными нищенками. Гордость не позволила Наоми обратиться за помощью к своим более состоятельным родственникам. Единственной возможностью прокормиться для них стало собирание оставшихся на полях после уборки колосков злаковых растений. Для израильских бедняков это была стандартная процедура. Состоятельным евреям даже было заповедано три способа незаметной помощи бедным. Первый – пэа – оставшаяся неубранной полоса поля. Второй – шохеха – забытый жнецами сноп. Третий – лекет – отдельные колосья, оставшиеся на земле.

Учитывая, что третий способ был наименее продуктивным, забытые колоски собирали самые слабые и беззащитные люди. Рут, за которой кроме Наоми никто не стоял, стала заниматься именно сбором колосков. Единственным положительным фактором в данном случае было то, что это было поле родственника Наоми по имени Боаз. Он был не просто состоятельный, но и очень влиятельный человек, отождествлявшийся в Талмуде с Ивцаном, одним из судей Израиля.

Проверявший работу жнецов Боаз обратил внимание на скромную и трудолюбивую молодую женщину, собиравшую колоски. Разузнав, кто она, Боаз решил незаметно помочь ей и своей родственнице Наоми. Он приказал жнецам быть менее тщательными в сборе колосьев, чтобы женщины могли больше собрать столь необходимого им хлеба. Потом распорядился кормить и поить Рут наряду со своими работницами, что ещё больше облегчило жизнь бедных женщин. Но такое положение дел не могло продолжаться долго. Сбор урожая в Израиле длился от силы три месяца, после чего бедняки предоставлялись сами себе.

Боазу и Наоми требовалось что-то решать, но ситуация была запутанной донельзя. Сам Боаз был уже очень пожилым человеком, Наоми тоже, а молодая Рут – моавитянка. А за все злодеяния Моава в отношении евреев им навсегда запретили родниться с детьми Израиля. Помочь в данной ситуации мог бы левиратный брак, когда бездетная вдова еврея выходила замуж за его близкого родственника. Но вот обойти запрет на родство с моавитянами было гораздо сложнее.

Выход был найден в Устной Торе. Согласно её комментариям запрет распространялся только на мужскую часть моавитян. Женщин же моавитянок он не касался. Под конец уборочной страды Наоми предложила Рут сделать следующее: выведать место, где будет на ночь ложиться спать Боаз, прийти к нему и сделать прозрачный намёк: либо левиратный брак, либо халица (прилюдный отказ от женитьбы), что являлось позором для рода. Судя по всему, обе стороны стремились к общему знаменателю, и приход Рут на гумно к Боазу просто ускорил процесс.

В итоге, между высокими договаривающимися сторонами была сыграна свадьба, узаконившая отношения Рут и Боаза. Самой молодой женщине это большого счастья не принесло. Её супруг скончался буквально на следующий день после свадьбы. Однако для истории Израиля этого оказалось очень много. От Боаза у Рут родился ребёнок, которому дали имя Овед, внуком которого впоследствии стал мальчик Давид. Последнему, как известно, судьба предназначила возвыситься до царей Израиля. За своё благородство и верность идеям религии евреев Рут была награждена. Она смогла увидеть на троне не только своего правнука Давида, но и праправнука Соломона.

Таким образом, благодаря высшей воле удалось восстановить справедливость в отношении Наоми, а обладающей исключительным благородством Рут не только выбраться из нищеты, но и стать прародительницей самых выдающихся царей Израиля – Давида и Соломона. Имена же тех людей, которые препятствовали Рут, в истории не сохранились. Что же касается другого дальнего родственника Рут, Голиафа, то он был убит Давидом в поединке. И это, пожалуй, единственный из недругов Рут, который известен истории, но и то, только благодаря тому, что он не был её прямым врагом, да и погиб в поединке с Давидом.

Марина СЛИВИНА.

Как царь Давид Иерусалим столицей сделал

Безусловно, Иерусалим – главный город для евреев, столица государства Израиль ещё с античных времён. Но как он стал главным в стране, почему именно он, знает далеко не каждый. А ведь история эта очень интересная.

Прежде всего, следует отметить, что в период Ханаанского царства на месте нынешнего Иерусалима уже был населённый пункт. Принадлежал он иевусеям – народности, как предполагают сейчас, семито-хуррито-хеттского происхождения. О доеврейском существовании города упоминается и в библейских текстах. В них он известен под названиями Иевус и Салим. Так в Торе упоминается царь салимский Мелхиседек, который хлебом и вином встречал ещё праотца евреев Авраама. Тора сохранила имя и ещё одного городского правителя – Адониседека.

Когда в Ханаан пришли евреи (завоевали Иерихон), они поначалу не смогли покорить иевусеев. Возможно, это произошло потому, что данный народ проживал преимущественно не в долинах, а в горах. Так что евреи обошли земли иевусеев, решив предварительно разобраться с более северными территориями. Но в итоге получилось, что иевусейский анклав стал в буквальном смысле делить Израиль на две части. Южнее его были земли колен Иегуды и Симеона, а севернее располагались территории остальных колен.

Подобное положение дел не могло не отразиться на единстве новообразованного государства. Северные племена постепенно отдалялись от южных, что, естественно, сказалось на единстве еврейского народа. Дополнительным негативным фактором оказалось и то, что до некоторых пор после Иисуса Навина среди евреев не было сколь-нибудь явного лидера, могущего объединить народ. Евреям требовался правитель, который был бы уважаем представителями всех 12 колен Израилевых. Первый еврейский царь Саул таковым не являлся.

Важная стратегическая задача получила разрешение после вступления на трон всенародно признанного героя – Давида. Он собрался положить конец существованию независимого образования иевусеев, расположенного между еврейскими землями. Около 1000 года до н.э. Давид пошёл на него войной. В завязавшейся тогда битве погиб правитель Иевуса, но окончательной победы пока что не было, ведь столица иевусеев ещё держалась. Жители города ответили отказом на предложение Давида сдаться на милость победителя. Тому ничего другого не оставалось, как взять Иевус штурмом.

И тут началось самое интересное. В отличие от предыдущих побед над ханаанцами, когда жители их поселений в буквальном смысле истреблялись, жителям Иевуса было сделано послабление. По крайней мере, часть из них осталась для дальнейшего проживания в городе. А если уйти ещё дальше в историю, то выяснится, что иевусеи существовали как отдельная народность даже после того, когда евреи начали возвращаться из Вавилонского плена. Но дело не в иевусеях, а в самом городе. Давид переименовал Иевус в Иерусалим, после чего придал ему новый статус, сделав столицей Объединённого царства.

Существует несколько предположений, почему Давид пошёл на столь радикальный шаг, покинув давно обжитый Хеврон и отправившись в недавно захваченный Иерусалим. По всей видимости, он как выходец из высших слоёв еврейского управленческого круга понимал, что единому государству требуется некий надгосударственный центр. Иерусалим как нельзя лучше подходил на эту роль: он никак не был связан с коленом Иегуды. Для иудеев столицей был Хеврон, а захваченные у иевусеев земли территориально не входили в земельный надел, выделенный для колена Иегуды.

Данным шагом Давид решал стазу несколько задач. Нахождение столицы Израиля в некогда иевусейском анклаве автоматически демонстрировало всеизраильский характер его правления. Этот город для евреев был как бы нейтральным, не относящимся ни к одному из еврейских колен. Значит, убиралось чувство ревности и конкуренции среди племён. Однако понимая, что среди евреев довольно много сторонников предыдущего царя Саула, Давид не перенёс столицу в район географического центра страны, где не мог полностью доверять окружению. Нахождение Иерусалима вблизи владений колена Иегуды его вполне устраивало.

Не менее важным является и факт удовлетворения личных амбиций. Вполне возможно, что Давид желал, чтобы столица Израиля была связана исключительно с ним и его потомками. Фактически она должна была быть его личным семейным владением. Иерусалим прекрасно подходил на эту роль: на него никогда не распространялась власть ни одного из колен Израилевых.

Но мало придумать идею, надо её как-то узаконить. Подобное можно сделать только одним образом: собрать под единой крышей функции административного, религиозного и культурного центра. И Давид начал действовать. Новую столицу он сделал местом пребывания царя со всем двором и свитой, сразу же превратив город в административный центр, где жили и работали высшие гражданские и военные чиновники, силами и стараниями которых осуществлялось управление государством.

Следующим шагом стал перенос религиозных святынь в Иерусалим. Это повлекло за собой создание нового религиозного центра и перемещение в него высших религиозных иерархов, которые пользовались непререкаемым авторитетом у израильтян. Нахождение в Иерусалиме первосвященников стало фактором притяжения сюда паломников из различных регионов Израиля и превратило город не просто в желаемый для посещения, а в священный город.

Туда потянулись люди, что повлекло за собой массовое строительство. Данные действия самым естественным образом привели к росту Иерусалима. Первоначально относительно небольшой город начал расширяться, сначала на север, в сторону будущей Храмовой Горы. Интересно, что эта возвышенность даже после преобразования Иерусалима в столицу Израиля некоторое время ещё являлась собственностью местного жителя-иевусея. Лично Давид выкупил эту гору под строительство храма. Он даже успел провести некоторые предварительные работы, подготовил строительные материалы, припас драгоценные металлы и камни, но к собственно возведению так и не приступил. Всё, что успел сделать правитель, так это соорудить жертвенник Б-гу, но, вняв словам пророка Натана, к строительству большого храма так и не приступил. Эту миссию он оставил для своего наследника, каковым стал царь Шломо (Соломон).

Эдуард БЛОКЧЕЙН.

Правильный лауреат „неправильной” Нобелевской премии

Всех, кому уже жить не светило,
Превращал он в нормальных людей.
Но огромное это светило,
К сожалению, было – еврей.
(В. Высоцкий „Еврей-хирург”).

7 июня 2021 года совершенно незамеченным прошёл столетний день рождения правильного лауреата „неправильной” Нобелевской премии. Ещё один пример того, как несправедливы люди. Без конца обсуждают всяких тиранов, спортсменов и просто обладательниц круглых поп вместо того, чтобы... Например, этот человек: он изобрёл дефибриллятор.

Тот самый прибор, который продлил жизнь, вполне возможно, кому-то из ваших близких, а может, и вам. Но Нобеля этот мужик получил совсем не за это, а за сущую ерунду... однако всё по порядку. Имя этого человека – Бернард Лаун.

Биография его почти стандартная нобелевская: Бернард Лаун (при рождении Борух Лац (Борухас Лацас)) родился 7 июня 1921 г. в литовском местечке Утена в семье раввина, догадавшегося до начала войны, в 1935 увезти семью в Америку. В 1945-м получил диплом врача. Работал кардиологом. Учился у одного из мировых лидеров кардиологии, профессора Сэмюэла Левина. В те времена внезапная остановка сердца была основной причиной смерти людей. А к этой смерти часто приводил режим полного покоя, который тогда предписывался многим больным во многих случаях. Первым делом доктор Лаун предложил как можно раньше выводить больных из лежачего состояния.

Коллеги поначалу критиковали этот подход, но практика и статистика показали, что „сидячее выздоровление” существенно снижает риск внезапной смерти.

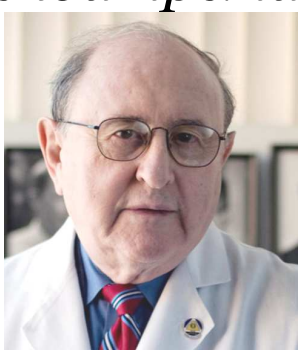
Что касается идеи электрического „запуска” сердца при его внезапной остановке, то нельзя сказать, что такая идея витала в воздухе. Только один хирург, Поль Цолль (тоже, кстати, американец, чьи родители успели убежать от Холокоста) описал в статье свой опыт во время операций на открытом сердце: иногда ему удавалось оживить сердце пациента, подводя к нему электроды прямо от розетки переменного тока. Но такой метод был крайне ненадёжен и мог привести к гибели. Бернард Лоун всё же заинтересовался этим методом и затеял исследование – каким должен быть электрический импульс, способный спасти остановившееся сердце.

Лаун обратился за помощью к инженеру Баруху Берковицу..., а вот и нет, вы не угадали. Родители Берковица как раз не удрали в США от Холокоста. Они ещё в молодости удрали из Российской империи, от погромов... ну, неважно, главное, – инженер оказался подходящим. Вдвоём с Лауном они, экспериментируя на животных, упорно искали такой импульс, который с одной стороны, „запускал” бы сердце, а с другой – не приводил бы к ожогам и другим повреждениям. Примерно год они работали, как „негры”... к счастью, тогда не было ни политкорректности, ни обществ защиты животных абсолютно от всего, поэтому и „негры” допускались, и эксперименты... и, наконец, к 1961 г. нашли-таки этот спасительный импульс.

Этот особый способ подачи постоянного тока с тех пор так и называется: Lown_waveform. Дальнейшее, как говорится, история. В этой истории не только люди, которых просто „напрямую” спасли дефибрилляторы. Кроме всего прочего, новая методика сделала возможными новые операции. Ведь теперь сердце можно останавливать на некоторое время, подправлять что-то хирургически, например, делать by-pass, и снова „запускать”.

Остальные подробности можно прочесть в Википедии.

Добавим лишь пару слов о неправильном Нобеле. Дело в том, что Бернард Лаун получил Нобеля вовсе не по медицине, а как борец за мир: помимо своих медицинских изысканий (а за ним числятся ещё и другие изобретения), он подписывал всякие петиции об ограничении ядерных испытаний и участвовал в разных конференциях по защите мира. В 1980 г. он вместе с советским кардиологом Евгениием Чазовым основал движение „Врачи мира за предотвращение ядерной войны”. И вообще мужик всю жизнь боролся против смерти во всех её видах. Ради этого он бесплатно лечил пострадавших в войне вьетнамских детей и ездил в Москву, встречаясь с советскими лидерами.



В 1988 г. Лаун основал международную некоммерческую организацию, снабжающую актуальной медицинской информацией врачей в развивающихся странах с помощью электронных технологий. Автор нескольких книг и более чем пятисот статей, опубликованных в крупнейших медицинских журналах мира.

16 февраля 2021 года в возрасте 99 лет Бернард Лаун скончался.

Песни Варшавского

Присяжный поверенный из Киева Марк Маркович Варшавский был человеком скромным. В свободное от работы время он сочинял песни на идише – писал и стихи, и музыку, но пел он их лишь в узком кругу друзей. Будучи абсолютно уверен, что его песни не имеют никакой художественной ценности, Варшавский их не записывал и не публиковал. Возможно, его песни так бы и остались неизвестными, но однажды их услышал Шолом-Алейхем. „Злодей! Отчего же вы не опубликуете эти песни?! Если бы я не знал, что это ваши собственные, то мог бы поклясться, что слышал их когда-то от своей мамы!” – вспоминал писатель момент знакомства с Варшавским.

Дальше Шолом-Алейхем пояснял подробнее: „Столько народности было в словах этих песен и столько простоты в их мелодиях! Но Варшавский был так далёк от мысли опубликовать песни, что не хотел об этом и слышать. К тому же он сообщил мне, что хотя и учился когда-то в раввинском училище в Житомире, но еврейские науки изучал столь мало и забыл из них столь много, что ему трудно даже записать свои песни на бумаге”. Во многом именно благодаря Шолом-Алейхему нам известны некоторые моменты из жизни Варшавского, чьи песни сегодня входят в репертуар большинства еврейских исполнителей.

Марк Варшавский родился в 1845 г. – по одним данным, в Одессе, по другим, в Житомире. Окончив юридический факультет Киевского университета, он занялся адвокатской практикой. По словам Шолом-Алейхема, Варшавский принадлежал к той когорте адвокатов, которые „звёзд с неба не хватают, не трещат, не трубят о себе на весь свет, сидят себе тихо в своих кабинетах, долго-долго выжидают клиента”. Но уж когда клиент придёт, продолжал писатель, то будет уверен, что встретил не того адвоката, который смотрит тебе в руку и оценивает твой карман, а друга, брата, который выслушает, как друг, и обойдётся с тобой, как брат. „Разумеется, му-чаются такие люди всю жизнь, тянут свою лямку, еле-еле сводят концы с концами и старятся до срока, – писал Шолом-Алейхем. – Но по Варшавскому определить это было трудно. Он был человек жизнерадостный, бедный, но весёлый, в среде присяжных поверенных – душа общества”.

Без Варшавского не обходился ни один праздник или приём в интеллигентных кругах – его любили за талант веселить публику юмористическими экспромтами в стихах. Почти мгновенно он мог сочинить эпиграмму на любого из присутствовавших. Но учитывая врождённую скромность и порядочность Варшавского, все стихи были из разряда торжественно-застольных, а не сатирических, и не вызывали ни у кого ни малейшего раздражения. В общем, Варшавский был в своём роде признан и известен, но вот о том, что он сочиняет ещё и песни, знали лишь самые близкие друзья. С одним из них и возвращался однажды на перекладных в Киев Шолом-Алейхем. Писателю очень понравилась песня, которую распевал его попутчик: трогательная, наполненная любовью к еврейскому народу. Узнав, что автор песни – некий Варшавский, Шолом-Алейхем тут же попросил организовать с ним встречу.

Варшавский с удовольствием исполнил для писателя несколько песен, но от публикации наотрез отказался. В том числе и потому, что его жалование не позволяло оплатить услуги издательства. „Против этого нашлось, однако, средство, – вспоминал Шолом-Алейхем. – Мы принялись атаковать его со всех сторон до тех пор, пока не добились, чтобы он диктовал мне текст, а одному музыканту – ноты. Так первый том песен Варшавского был успешно составлен. Потом мы взялись и за его издание на средства киевской общественности”.

В 1901 г. свет увидело первое издание песен Марка Варшавского, предисловие к которому написал, конечно, Шолом-Алейхем: «Язык песен Варшавского – это настоящий народный язык, он не вычурный и не онемеченный. Именно так и говорят в нашем краю. Я глубоко убеждён, что пройдёт совсем немного времени и „Еврейские народные песни” Варшавского станут у нас настоящими народными песнями, которые можно будет услышать повсюду, в каждом еврейском доме. Там, где звучит ещё порой еврейское слово, там, где не стыдятся нашего бедного еврейского народного языка, что зовётся „жаргоном”».

В сборник вошли песни „Ойфн припечек”, „Тайере Малке” („Милая Малка”), „Ди лид фун бройт” („Песня о хлебе”), „Ди мехитуным геен!” („Сваты идут!”), „А гут моргн, Янкеле” („Доброе утро, Янкеле!”), „Дос фрэйлэхэ шнайдэрл” („Весёлый портняжка”), „Идише газ” („Еврейская улица”) и многие другие. Все они тут же стали расходиться как народные. Да и сам сборник ведь так и назывался – „Еврейские народные песни”, за что его, кстати, яростно критиковал известный пропагандист еврейской народной песни Юлий Энгель. Он даже опубликовал статью, в которой заявил, что „называть песни народными в год выхода их в свет – не что иное, как самозванство”. Самого Варшавского он называл „дилетантом, от которого трудно и требовать чего-то”, параллельно обвиняя его и в воровстве части музыкальных мотивов от других народов.

После такого Варшавский наотрез отказался публиковать следующий сборник – его издали уже после смерти поэта. И это при том, что критический отзыв был один, а восхищённых – тысячи. «Не проходило почти ни одного вечера, ни одного сионистского собрания, чтобы не тащили нас с Крещатика на Подол и с Подола на Крещатик, – вспоминал Шолом-Алейхем. – Я должен был немного почитать, а Варшавский „немного” попеть. „Немного” означало на самом деле довольно-таки много! Уже после первых двух-трёх песен начинали сыпаться со всех сторон заявки, словно от гостей на свадьбе: „Дорогую маму”, „Доброе утро, Янкеле”, „Танхума-трубача”, „Младшенькую выдали”, „Симхес Тойре”.

И добрый Варшавский, не знавший, что значит отказать, когда кто-нибудь просит, с радостью давал каждому то, что тот заказывал. Это было счастливейшее время – можно сказать, самая весна в жизни Варшавского».

Не бросая своей основной работы – а к тому времени одна металлургическая компания взяла его в качестве управляющего на завод, поэт устроил несколько гастрольных поездок по городам и местечкам, где исполнял свои песни в забитых до отказа залах. Планировался даже тур по городам США, но внезапно Варшавский заболел и, промучившись год, умер в Киеве.

Шёл 1907 год. «Варшавский умер, а его песни чем дальше, тем больше становились популярными в еврейском народе – и у нас, в „черте” (черте оседлости – *ред.*), и далеко-далеко за „чертой”. И не только у нас, но и за границей, в Америке и ещё дальше, чем Америка. На всех еврейских концертах выступают певцы, превосходно исполняющие песни Варшавского, но вот загвоздка – при этом и со сцены, и на афишах крайне редко упоминается имя самого Варшавского. Не это ли свидетельство, что песни его стали народными?» – вопрошал Шолом-Алейхем в предисловии ко второму сборнику песен Варшавского в 1914 году.

Время показало, что так оно и есть. Не раз мелодии Варшавского ложились в основу уже других песен. Так, в годы фашистской оккупации среди узников гетто была популярна песня „Фун дер арбет” („С работы”). Текст был написан на мелодию песни „Ойфн припечек”, которую использовал и Стивен Спилберг в фильме „Список Шиндлера”. В кинематографе использована и другая песня Варшавского – „Слёзы мельника” звучат в фильме братьев Коэнов „Серьёзный человек”.

Алексей ВИКТОРОВ.

Гиблое тело

Он первым выиграл суд у отрицателей Холокоста – с тех пор факт гибели шести миллионов евреев обсуждению в США не подлежит. В Калифорнии умер 95-летний узник Освенцима Мел Мермельштейн.

Мел Мермельштейн получил мировую известность в 80-е годы, когда одержал победу в суде против правой организации „Институт пересмотра истории", отрицавшей Холокост. Это был первый процесс подобного рода, который положил начало мировой практике судебного преследования отрицателей.

„В концлагере я пообещал: если выживу, то постараюсь рассказать о трагедии всему миру", – говорил Мермельштейн в интервью. В 1980 г. представители „Института правовой истории" (ИПИ), пообещали выплатить 50 тысяч долларов человеку, который сможет доказать, что евреев массово убивали газом в Освенциме. Мермельштейн, который потерял в Освенциме всю свою семью и сам чудом избежал газовой камеры, предоставил личные свидетельства своей трагедии. Однако в ИПИ отмахнулись от его документов, не сочтя их доказательствами. И он решил добиваться правды в суде.

Мелу было 17 лет, когда его депортировали в Освенцим из Закарпатья весной 1944 года. В концлагере погибли его отец, мать, брат и две сестры. В январе 1945 Мермельштейн стал одним из 60 тыс. заключённых, участвовавших в печально известном „марше смерти": узников Освенцима перегоняли в другие лагеря из-за приближения Красной армии. Юноша оказался в концлагере Гросс-Розен, а оттуда его поездом переправили в Бухенвальд. Когда 11 апреля 1945 г. этот лагерь освободили американские войска, Мел Мермельштейн – по его словам – едва передвигался от истощения и весил около 30 кг – оказался в числе спасённых. Позже он обосновался в Америке.

Впервые вспомнить о клятве, данной в Освенциме, его побудила Шестидневная война 1967 года. К тому моменту Мермельштейн уже успел обзавестись семьёй и основать успешный бизнес. „Я увидел, как президент Египта тряс кулаками и говорил, что собирается сбросить евреев в море. И это вернуло меня назад и напомнило мне Гитлера", – рассказывал он.

„С тех пор Холокост стал вездесущим в нашем доме. Противостояние ему стало миссией отца", – вспоминала Эди Мермельштейн, дочь Мела. По её словам, в следующие годы отец более 40 раз возвращался в лагеря смерти. В 1975 г. он основал Фонд изучения Освенцима – музей и просветительскую организацию, которые постоянно пополнял артефактами, привезёнными из своих поездок в Европу. Среди них были найденные в Освенциме канистры с газом „Циклон Б", мотки колючей проволоки, кирпичи, покрытые пеплом, и даже человеческие зубы. Во время одной из поездок он наткнулся в архивах на групповую фотографию и разглядел на ней себя.

„Папа был задирой. Тем людям, которые стремились отвернуться от неудобной правды о Холокосте, он напоминал о ней вновь и вновь", – вспоминала Эди. В 1978 г. она сопровождала отца в очередной поездке в Освенцим. По её словам, там он упаковал кусок бетонного столба в свой чемодан на колесиках. Когда Мела остановили на границе, он показал таможенникам свою татуировку из Освенцима с порядковым номером заключённого. После этого ему разрешили оставить артефакт себе.

Эди вспоминала, что её отец был в ярости, когда услышал о провокационном призыве ИПИ заплатить 50 тыс. долларов тому, кто докажет, что евреев действительно убивали в газовых камерах. В конце 70-х США переживали настоящий „бум отрицания". ИПИ стала главной организацией, объединившей вокруг себя антисемитов, изоляционистов и сторонников теорий заговора, которые считали, что Холокост придумали сами евреи. С 1980-го эта организация начала выпуск псевдоисторического издания Journal of Historical Review, в котором пропагандировала свои взгляды.

Мермельштейн отправил ИПИ экземпляр своей книги мемуаров, а также нотариально заверенное трёхстраничное описание собственного опыта в Освенциме и запрос на получение обещанных 50 тыс. долларов. Однако в ответ сторонники „института" забросали Мермельштейна письмами с насмешками. „Нам приходили конверты с человеческими волосами внутри. Нам писали, что родители отца на самом деле не погибли в Освенциме, а живут в Израиле под другими именами", – рассказывала Эди Мермельштейн. Так начался судебный процесс эксузника Освенцима против людей, не веривших в Освенцим.

Мермельштейну вызвался бесплатно помогать адвокат Уильям Джон Кокс. По его словам, он „ввязался в это дело, потому что безгранично уважал то, что делал Мел". Проблемой было, что для заявления в суд отсутствовали формальные основания. ИПИ предлагал Мермельштейну всего лишь доказать, что Холокост существовал – его не обвиняли в клевете, на его жизнь не покушались: за исключением издевательских писем не происходило ничего, что попадало бы в зону судебной юрисдикции. И тогда Кокс обратился в суд, ссылаясь на нарушение контракта со стороны ИПИ: те обещали 50 тыс. долларов в обмен на доказательства. Доказательства были предоставлены, но „институт" уклонился от выплаты.

В ходе суда Кокса лично консультировали Симон Визенталь и Гидеон Хаузнер, который был обвинителем нациста Адольфа Эйхмана на процессе в Израиле. Очень быстро дело Мермельштейна, по словам его дочери, превратилось в общественное движение, целью которого стало вернуть историческую правду. Адвокат Кокс рассказывал, что к ним со всего мира приходили свидетельства жертв и родственников жертв Холокоста: „Папка с доказательствами росла и росла. Очень быстро она стала больше метра в высоту". Но даже после этого его продолжали терзать кошмары: «Мне снилось, что судья отклоняет наши ходатайства. Что я иду по городу, а за мной идут все эти люди и кричат: „Шесть миллионов жертв, а что сделал ты? Проиграл дело!"».

9 октября 1981 г. судья объявил своё решение. Он признал массовые убийства евреев в газовых камерах Освенцима, о которых свидетельствовал Мел Мермельштейн, „бесспорным фактом, который не может быть поставлен под сомнение". Это стало первым подобным прецедентом в американской судебной практике. «Да, судья, так и сказал: „Холокост не подлежит обсуждению". Отныне и навсегда это судебное решение останется в силе», – вспоминал Мермельштейн много лет спустя. Он говорил, что слова судьи до сих пор звучат в его голове так, „как если бы были сказаны только что".

Победа над отрицателями не привела к закрытию ИПИ. Эта организация существует и сегодня, пропагандируя свои взгляды через интернет. Сами отрицатели мимикрировали, и теперь они всё чаще не отрицают Холокост как таковой, но говорят об „искажениях фактов". Например, заявляют о преувеличениях при подсчётах еврейских жертв концлагерей. Или – о преувеличениях роли газовых камер в смерти узников: утверждают, что главной причиной были болезни и истощения, отмечает исследование американского Мемориального музея Холокоста.

„Мел Мермельштейн был первым, кто дал им открытый отпор", – сказала Дебора Липштадт, автор книги „Отрицание Холокоста: рост нападок на правду и память" и участница другого громкого процесса против отрицателей. В 2000 г. Липштадт выиграла дело против „альтернативного" историка Дэвида Ирвинга, который утверждал, что Гитлер ничего не знал об истреблении евреев. „Мел показал всем нам, что нельзя терпеть неправду", – добавила Липштадт.

Михаил БЛОКОВ.

На идише говорила почти вся дивизия

Евреи мужественно воевали во всех войсках антигитлеровской коалиции. Это уже общеизвестный факт. Но многие ли знают, что ни в одной армии, за исключением Еврейской бригады в Британии, не было такого высокого процента евреев, как в 16-й Литовской дивизии? Если в 1943 г. в 200 советских пехотных дивизиях было 1,6 % евреев, то в 16-й Литовской они составляли 34,2 %.

Это была единственная дивизия Красной Армии, где большинство солдат и офицеров разговаривали на мамен лошн, т.е. на идише и на иврите. Бывали случаи, когда приказы и переклички шли только на идише. Перед выходом из Ясной Поляны в большом клубе на собрании солдат и офицеров 249-го стрелкового полка, за исключением начальника политотдела, все ораторы говорили на идише. В городе Балахна Горьковской области, где формировалась дивизия, когда маршировали бойцы полка, звучали еврейские песни.

Евреи-воины этой дивизии, беженцы из Литвы, соблюдали религиозные традиции. В Туле, где временно была дислоцирована дивизия, сержант-еврей по субботам строем водил религиозных солдат на молитву в местную синагогу. Когда пришло время боёв, на похоронах павших воинов зазвучал Кадиш.

16-я Литовская дивизия формировалась в соответствии с постановлением правительства СССР от 18 декабря 1941 г. Она была образована в противовес литовским войсковым соединениям, поддерживавшим фашистов. Литовская полиция и даже значительная часть крестьян ещё до прихода нацистских войск грабили и расстреливали евреев. С вступлением гитлеровской армии на территорию Литвы было образовано марионеточное правительство, которое верно служило интересам Третьего рейха.

Окончательное формирование 16-й Литовской завершилось к 7 июля 1942 г. Это была полнокровная, хорошо оснащённая дивизия, в составе которой насчитывалось более 10 тыс. человек. Согласно архивным данным, по состоянию на 1 января 1943 г. в её составе были не только евреи и литовцы, а представители ещё 30 национальностей: русские, украинцы, белорусы, грузины, латыши, эстонцы, поляки, казахи, татары… В дивизии было немало дипломированных инженеров и врачей, в основном евреев.

Тяжёлая судьба евреев под нацистским гнетом была известна бойцам дивизии. Все солдаты и офицеры, а евреи особенно, мстили врагам. Когда еврейские солдаты шли в бой, наряду с лозунгами на литовском и русском языках звучали и призывы на идише: „Вперёд, в атаку! Отомстим за наших отцов и матерей!"

Евреи-бойцы 16-й Литовской дивизии отличились в боях. Это не могло не восхищать даже тех, кто традиционно не любил евреев. Командир 249-го полка Фёдор Лысенко, офицер-казак, не скрывавший своих антисемитских взглядов, со временем стал восхищаться героизмом и мужеством воинов-евреев. Он лично написал представление на высокое звание Героя Советского Союза троим своим подчинённым.

17 февраля 1943 г. дивизия была переброшена в район Алексеевки Орловской области. Этот переход был совершён на пределе человеческих возможностей. Отставали орудия крупного калибра, подводы с боеприпасами и продовольствием. Дивизия прибыла в район назначения с обессиленными и голодными людьми.

Немецкая армия в ходе тщательно подготовленной операции „Цитадель" утром 5 июля 1943 г. перешла в наступление, но встретила ожесточённое сопротивление. 23 июля в контрнаступление включилась и Литовская дивизия, которой удалось прорвать линию обороны фашистов и освободить 56 населённых пунктов, в том числе село Литва.

За мужество и героизм в этих боях были награждены орденами и медалями 1817 солдат и офицеров дивизии. Среди них было более 1000 евреев.

Илья Эренбург в статье „Сердце Литвы", опубликованной в газете „Правда", писал о героизме санинструктора Шейнель. За два дня она на своих плечах вынесла с поля боя более 60 тяжелораненых солдат и офицеров, а сама потом погибла под вражеским пулемётным огнём. Илья Эренбург рассказывал о том, что у Шейнель было слабое здоровье, её не хотели пускать на опасные операции, но она настояла на своём. Даже тяжело раненная в грудь, она продолжала спасать своих боевых товарищей. „Может быть, – говорилось в статье Эренбурга, – что те же немцы, которые её убили, замучили до смерти родителей Шейнель в еврейском литовском местечке".

Дивизия воевала геройски. По существу, не было ни одного еврейского солдата и офицера дивизии не награждённых орденами и медалями за мужество и героизм, проявленные на поле боя. Многие из них прошли с дивизией в боях около 400 км, освободили более 600 городов и сёл, уничтожили тысячи солдат и офицеров противника, взяли в плен 12 тыс. нацистских вандалов.

В дивизии было немало еврейских женщин, которые воевали наравне с мужчинами. Это были девушки из литовских местечек. Они горели желанием отомстить врагу за гибель родителей, за братьев и сестёр, которые оставались в Литве на растерзание оккупантов. 86 евреек добровольно пошли на фронт.

Первая женская группа состояла из радисток и медицинских сестёр. В феврале-марте 1942 г. в Балахне формировалась женская рота в составе 150 солдат – это были литовские, еврейские и русские девушки. Многие еврейские девушки-солдаты были награждены орденами и медалями. Среди них Белла Шапиро, награждённая шестью орденами и восемью медалями, Хася Дисник, Этти Служитель и много, много других. Они спасли десятки раненых на полях сражений, а сами погибли.

В медицинской службе дивизии были врачи разных национальностей, но большинство, свыше 80 %, были евреи. Руководителем и организатором медицинской службы дивизии был полковник Эдуард Кушнер. Отличился в боях и доктор А. Шейнберг, бывший участник Гражданской войны в Испании. Немало человеческих жизней спас и командир, профессор Хацкел Кибарский, один из лучших кардиологов Литвы. Хирургическим отделением медицинской службы руководили врачи Шалом Пташек, Соломон Рабинович и Хана Гольдберг, а сложную работу по приёму раненых возглавлял энергичный и опытный врач Моше Соболь.

Под огнём, на поле боя отличились санитары и медицинские сёстры Соня Ивенските-Виленская, Вита Тетра, Хана Москович, Шимон Исаков, Бенцион Шломович и многие другие, а Гуревич, Борок, Магит, Гордон, Глезер-Керенский и другие пали смертью храбрых при спасении раненых.

Учитывая, что в Литовской дивизии были самые опытные врачи, многие из них, в том числе евреи, были переведены в другие воинские формирования. Изабелла Файнберг-Пинкус принимала участие в Сталинградской битве, Ихазкиел Савитег, Давид Аронин, И. Левин, Хана Тонер воевали на других фронтах.

6 октября 1943 г. дивизия в составе 3-й армии вела упорные бои в районе Витебска. Зимой 1944 она участвовала в освобождении Вильнюса в составе 3-го Белорусского фронта, летом 1944 прошла в боях более 500 километров.

В новом наступлении 1-го Балтийского фронта, которое началось 5 октября 1944 г., перед дивизией была поставлена задача: очистить северо-западную Литву от нацистов. В кровопролитных боях дивизия приблизилась к Восточной Пруссии в районе города Тильзита. Здесь тяжёлые, затяжные бои продолжались в течение нескольких дней. Но дивизия отстояла свои позиции, враг был разгромлен. За умелые боевые действия, героизм и мужество, проявленные в ходе этой и других операций, орденом Боевого Красного Знамени был награждён 31 воин, 12 человек получили высокое звание Героя Советского Союза, и среди них четыре еврея. Это Вульф Виленский, Калман Шур, Гирш Ушполис, Борис Циндель.

В конце 1944 года вся Литва, за исключением порта Клайпеда, была очищена от врага. В том же году дивизия была переброшена на север Курляндии, чтобы завершить ликвидацию окружённых немецких дивизий.

В конце января 1945 дивизия ликвидировала окружённые немецкие войска в Клайпеде. Бои шли с 27 по 30 января. Ей было присвоено почётное звание „Клайпедская". После капитуляции нацистской Германии Клайпедской-Литовской было поручено разоружить восемь немецких дивизий и перевести пленных по назначению. Одним из руководителей этой операции был полковник Соломон Коэн Цадик.

После победы штаб дивизии был дислоцирован в Вильнюсе. В конце 1945 и в начале 1946 годов большинство участников боёв демобилизовали, и осталась только часть офицерского состава.

Так завершилась краткая история героической „еврейской" 16-й Литовской дивизии, покрывшей себя неувядаемой славой.

Эфраим ГРИНБЕРГ

Женщина – раввин

Представьте, что сегодня йешивой в Меа Шеарим управляет женщина. Фантастика? Сегодня это и правда нереально, но предпосылки есть!

Оснат (Асенат) Барзани родилась в 1590 году в городе Мосул, в Курдистане. Её отец был раввин Шмуэль бар Натанэль аЛеви Барзани – большой мудрец и каббалист. Он основал в Мосуле йешиву, в которую стекались еврейские ученики со всего Ирака. В последствии он стал главным судьёй Бейт Дина, и раввином города Амедия в Курдистане.

У раввина рождались только дочери, поэтому он выбрал одну из них и посвятил её изучению Торы. Оснат было запрещено заниматься домашней работой, чтобы ничто не отвлекало её от познания Торы. Когда же ей пришло время выйти замуж, отец выдал её за самого лучшего ученика своей йешивы и взял с него обещание, что она не будет работать по дому, а только изучать святые книги.

В 1643 году, когда её отец умер, то её муж, мудрец Яаков Мизрахи стал главой йешивы. Оснат руководила йешивой вместе с мужем и преподавала ученикам Тору, так как её муж был поглощён собственной учёбой.

Когда муж умер, его родственники пытались отсудить книги, принадлежавшие йешиве, и йешива попала в затруднительное материальное положение. Но Оснат смогла поставить йешиву „на ноги", продолжая преподавать и устанавливать законы (алахот). Она была признана мудрецами Торы в Ираке. Ей писали письма, с ней советовались по различным алахическим вопросам. Она удостоилась звания „ТанаИт" – высший титул среди раввинов.

Среди курдских евреев ходит история, как однажды к ней в дом хотел пробраться вор. Оснат с помощью одного из имён Б-га „заморозила" вора на крыше, где он простоял без движения всю ночь, а утром его увидели и поймали.

Оснат делала амулеты, которые помогали больным излечиваться, а женщинам ограничивать семью двумя детьми, чтобы больше времени посвящать изучению Торы.

Она считалась мастером Торы, Талмуда, Мидраша, Каббалы и иврита. Писала пиюты (духовные песни) и комментарии на книгу Мишлей (Притчи царя Соломона). Сама книга считалась способной охранять от опасностей.

Её сын, Шмуэль, стал главным раввином Багдада.

Рут ВОЛЫНЕЦ.

За секунду до...

Володя ехал по трассе один на своём „Нисане” и уже протянул руку, чтобы взять чашку кофе, как вдруг заметил, что справа кто-то сидит. Он отдёрнул руку и в недоумении посмотрел на непонятно откуда возникшего попутчика. Это был мужичок лет 50-ти с портфелем на коленях.

Володя нахмурился:

– Это что еще за фокусы?

Мужичок, виновато улыбаясь, ответил:

– Я знаю, вы не поверите, Владимир. Но я, – он замялся и грустно вздохнул, – ангел смерти.

– Ага, а я тогда баба Яга. Но вот на бандюгу, который залез ко мне в машину, ты тоже не тянешь.

Мужичок опять улыбнулся. Затем достал из портфеля чёрный плащ, надел его и накинул капюшон. Достал маску старухи, тоже надел. И, наконец, достал и надул резиновую косу.

– А так похож?

– Ты чо, на маскарад собрался?

– Вот, и я так думаю, а нас заставляют это надевать, потому что вы, люди, так нас привыкли видеть.

И он скинул капюшон и маску.

– Фу, ненавижу все эти правила. Я люблю подходить к своей работе с душой. Вот и про вас всё заранее узнал и даже знаю какой ваш любимый коньяк.

И он достал из-за пазухи армянский коньяк.

– Так, мужик, если ты сыщик, то от кого?

– Ладно, придётся вам кое-что показать. Попробуйте что-нибудь сделать. Ну, остановить машину или прикоснуться ко мне.

Володя ухмыльнулся, но всё-таки попытался притормозить. Никакой реакции. Попробовал дотронуться до соседа – рука прошла сквозь него. Хотел покрутить руль, но тоже не смог. Володя запаниковал.

– Я не знаю, как ты всё это делаешь, но так мы сейчас врежемся. Прекращай!

– Вы главное не волнуйтесь. Сейчас я сейчас вам всё расскажу.

Попутчик достал стакан и налил в него коньяка.

– Вот, выпейте немного.

– За рулём?

– Не бойтесь, вам можно.

Володя отпил немного. Мужичок продолжил:

– Ну, начнём, пожалуй. Владимир, дело в том, что мы с вами, с тех пор как я тут появился, находимся вне обычного времени. Я просто растянул секунду до вашего столкновения с грузовиком на полчаса. Его водитель заснёт и выедет на встречную полосу. Вы… погибните.

Володя залпом допил весь стакан.

– Но подождите! Как вас там?

– Ангел смерти Михаил. Можно просто Миша.

– Очень приятно, Володя.

Он хотел пожать Мише руку, но вспомнив, что это невозможно, отдернул её.

– Миша, послушай. Понимаешь, я же молодой. Мне ещё 40-ка нет. У меня жена, дочка. Ей всего пять…

Голос Володи задрожал.

– Можно ещё?

Он протянул стакан.

– Конечно, конечно.

Миша сразу налил. Володя сделал несколько глотков.

– Володя, родной. Я очень тебе сочувствую. Но решения принимают там, – и мужичок показал пальцем наверх.

– А я всего лишь обычный ангел смерти, исполняющий приказы начальства.

– А… а ты не можешь этому твоему боссу… ну, позвонить? Я… я сам бы с ним поговорил.

Миша отрицательно повертел головой.

– Ничего нельзя изменить. Там такая закрученная система. Всё продуманно. Когда ты умрёшь, ты снова родишься мальчиком.

Володя удивлённо поднял брови.

– Так что не всё так плохо, дружок, – и он ободряюще похлопал Володю по коленке. – Единственное, что я могу для тебя сделать, это дать тебе увидеться с семьёй.

– Серьёзно?! – Володя даже подскочил от радости. – Спасибо, друг!

В ту же секунду они вдвоём оказались на детской площадке. На скамейке сидела жена Володи, а дочка каталась на горке. Володя подошёл к горке и погладил дочку по голове. Рука прошла сквозь неё. Дочка хвасталась какому-то мальчику:

– А у меня папа самый сильный. Он может машину поднять.

Мальчик ответил:

– А у меня два папы.

– А у меня один. Я не хочу два.

– Просто один ушёл, а второй пришёл.

– А мой папа никогда не уйдёт.

У Володи навернулись слёзы на глаза. Он сел рядом с женой и обнял её.

– Света, цветочек мой! Береги Машеньку!

Света достала телефон и начала снимать дочку.

– Вот папочке сейчас пошлём.

Володя опять еле сдержал слёзы. Он подошёл к Мише и попросил:

– Друг, налей мне ещё стаканчик.

Миша налил, и они сели на соседнюю скамейку.

– Миша, а выпей со мной.

– Нет, мне нельзя. Я же при исполнении.

– Да брось, Мишаня. Ну, один стаканчик.

Миша вздохнул.

– Ой, уволят меня. Ладно, но только один.

Через какое-то время они уже сидели на скамейке в обнимку и пели:

– Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь.

Детская площадка была пуста. Вдруг Миша посмотрел на часы на руке и воскликнул:

– Вот чёрт! Мы опаздываем! Вставай, Володька, пошли! Нас ждут.

– Слушай, а ты уверен, что тебе в таком виде туда можно?

– Да, блин. Ты прав, дружище.

– А пошли пока ко мне. Посидим. Ты отойдёшь немного. И потом пойдём к твоим.

Миша вздохнул, и они тут же исчезли. Они сидели на кухне у Володи дома. На столе стояло ещё пара бутылок, солёные огурчики и другие закуски.

– Вот скажи мне, Мишаня. На хрена тогда эта жизнь, если всем в итоге только плохо? У дочки и у жены трагедия. Я, как ты говоришь, в новой жизни всё равно ни фига не буду помнить.

– Ну, почти. Окончательно всё забудешь только через неделю после рождения. А жизнь, Володь, даётся, чтобы почувствовать любовь к своим близким и развить её до любви ко всем остальным. А вы, люди, даже ту любовь, что у вас есть, и то не цените. Вот ты, например, в выходной, вместо того, чтоб с семьёй побыть, куда-то поехал?

Володя опустил голову.

– Поехал новые, навороченные колонки в машину ставить.

– Миша! Не надо!

– Ладно, ты не виноват. Это ваша природа – думать только о себе. Поэтому, чтобы её изменить, нужна не одна жизнь. Понимание, что жизнь даётся ради любви накапливается постепенно. Пока человек не начинает серьёзно над этим работать и, наконец, не достигает счастья любить всех и сливается с общей силой любви, которая всем управляет.

– Но почему об этом никто не рассказывает?

– Ты уверен? Ты никогда нигде не читал, что главное – это любовь?

– Ну,… это да, слышал. Там сям.

– Все слышат, но почувствовать необходимость жить любовью люди могут только после сильных потрясений. Поэтому твоя смерть в итоге пойдёт на благо и твоей дочке, и твоей беременной жене.

Володя вскочил:

– Что?! Как беременной?! Нет, нет, Миша! Я этого не переживу!

Володя заметался по кухне. Вплотную подошёл к Мише:

– Послушай! Ты мне друг или нет?

– Ну да.

– Ты обязан что-то сделать. Ты не обычный ангел смерти. Ты… ты же уже кучу вещей нарушил. Напился… Я тебя умоляю. Дай мне остаться с семьёй. Я их так буду любить… и всех буду любить… По старой дружбе, а?

Миша развёл руками. Потом почесал голову.

– Ладно. Я могу дать тебе полсекунды до аварии. Успеешь отвернуть руль – может, выживешь. Это всё, что я могу. Ты готов?

Володя кивнул. И вдруг он вновь оказался за рулём своей машины и резко повернул руль. Выскочивший грузовик ударил его сбоку. Всё померкло в глазах Володи…

Открыв глаза, он увидел над собой улыбающиеся лица врачей. И закричал: „Уаа! Уаа!”. Маша сидела с медсестрой в больничной палате. И вдруг вошла её мама Света с новорождённым на руках. Маша подскочила к ней.

– Ура! Ура! У меня есть братик!

Света и Маша улыбаясь смотрели на ребёночка. А Володя лежал на руках у Светы, смотрел на них и думал: „Как же я вас люблю, родные вы мои!”.

Эйтан ЛИНКО.

Великий Борух-Берл

О бабушкином троюродном брате Борухе-Берле в нашей мишпахе ходили легенды. Я говорю нашей, потому что дальше мишпахи они не распространялись, так как в то весёлое время, они грозили мишпахе большими неприятностями. Вы понимаете, что такое в то время иметь родственников за границей? А Борух-Берл жил именно там. Как он попал туда это целая история, но я не буду её вам пересказывать, ибо я хочу рассказать о другом.

Как говорила моя тетя Рейза, если ты хочешь узнать у краснопольского еврея, как короче пройти на базар, то ты услышишь историю в три раза длиннее, чем дорога на этот базар. Главное не дорога к вершине, а сама вершина, как говорил один неглупый еврей Альберт Эйнштейн.

Главное, что Борух-Берл был там, и был очень богатым. Я терялся в догадках, откуда мишпаха знает, что Борух-Берл богатый? Ведь никаких связей с ним не было. Но мишпаха знала! И каждому новому младенцу в нашей мишпахе желали быть таким же счастливым, как Борух-Берл. Его имя вспоминали почти каждый день. Он был для мишпахи идеалом счастья, богатства и ума. Даже бабушкин брат Мендл, который работал в Гомеле главным инженером на большом заводе, был по сравнению с Борухом-Берлом ничто. Хотя бабушка говорила, что, если бы он, как Борух-Берл жил Там, он тоже был бы большим человеком. Сам Мендл не любил, чтобы при нём говорили о Борухе-Берле, всякий раз решительно отвергая всякое родство с ним. Но когда на свадьбе его дочки дядя Израиль, произнося тост, пожелал, чтобы молодые были богаты и счастливы, как Борух-Берл, Мендл смолчал, ибо, несмотря на свой партийный билет, в душе верил в богатство и счастье Боруха. И, конечно, какой отец не хочет, чтобы дети были богатые и счастливые?! А когда, сидевший рядом с Менделом директор завода поинтересовался кто это такой Борух-Берл, Мендл, не моргнув глазом, сказал, что это парторг колхоза „Заветы Ильича” в Хабаровском крае.

Еврейская майса

– В Биробиджане, – догадался директор.

– Да,– кивнул Мендл.

– Там богатые колхозы, – по-своему понял пожелание дяди Израиля сосед Мендла.

Когда я напечатал свой первый рассказ в областной газете, бабушка сказала:

– Любовь к книжкам у тебя от Боруха-Берла. Я помню, как он в лавочке твоего прадедушки реб Шеела покупал книжки на деньги, которые ему давала мама Цырул на булочку. Тебе б, зуналэ, его богатство и счастье!

Деяния Боруха-Берла служили примером для всей мишпахи и были главным аргументом при любых проблемах, возникающих в мишпахе. Я помню, какой шум поднялся в мишпахе, когда сын тёти Енты Ёсл бросил институт. И не какой-нибудь задрипаный машиностроительный, а медицинский, куда поступить в те времена краснопольскому еврею было почти невозможно. Тётя Ента бегала по всему Краснополью, как сумасшедшая, и всем рассказывала, сколько она потратила денег на блат, чтобы устроить этого шлемазла в институт!

– И теперь ему там не нравится?!

Вся мишпаха негодовала. Все хотели иметь в мишпахе врача. Бедный Ёсл не знал покоя ни днём, ни ночью. И тогда он пошёл к нашей бабушке, старейшей в мишпахе. Я не знаю, о чём они говорили, но бабушка после этого разговора приняла сторону Ёсла и остановила волнение в мишпахе. И здесь на своём месте оказался Борух-Берл.

– Что вы кричите? – сказала бабушка. – Мальчик хочет изучать иностранные языки! Разве это плохо? Борух-Берл всегда говорил, что главное – это знать иностранный язык. И вы знаете, кем он стал благодаря этому! Не мне вам говорить! И если наш Есик будет иметь такой же мазл, как Борух-Берл, я думаю, с него радостей хватит для всех нас! Ты согласна, Ента? – окончила бабушка свой монолог вопросом, и сияющая Ента кивнула ей в знак согласия. Быть таким, как Борух-Берл, была мечтой для всей мишпахи.

Менялись времена, проходили годы, не стало бабушки, а память о её брате не прошла. И когда евреи стали собираться в Америку, наша мишпаха потянулась туда первой, мечтая обрести счастье Боруха-Берла.

Перед отъездом мы с мамой занялись переборкой старых бумаг. В бабушкином сундуке, где у нас хранились бумаги, собралось их невиданное количество: ибо бабушка при жизни не разрешала выбрасывать ни одну бумажку: не дай Б-г пропадёт нужное! Но в основном все бумажки в сундуке были ненужные: древние справки, письма, газетные вырезки, открытки, наши школьные тетради, дневники, дедушкины грамоты, даже портреты Сталина из газет... Мы с мамой мельком рассматривали всё это бумажное богатство и отправляли его в специально растопленную по этому случаю грубку. И где-то уже к концу нашей работы, почти на самом дне сундука, я, нашёл пожелтевшие от времени листочки – письмо Боруха-Берла. Письмо было ОТТУДА! Самое настоящее письмо Боруха-Берла. Я начал читать его. Руки дрожали у меня и буквы плясали перед глазами. Борух-Берл писал невероятное: он жаловался на свою судьбу, на тяжёлую работу, на незнание языка, на хозяина, на жизнь... Всё у него было плохо и всё не так...

Я протянул письмо маме.

– Это письмо от Боруха-Берла, – сказал я дрожащим голосом.

– Вот где оно оказывается, – не удивилась письму мама. – Я когда-то читала его бабушке: ты ведь знаешь, она не умела читать по-русски, – мама внимательно посмотрела на меня и тихо добавила. – И тогда бабушка велела мне забыть о нём, и я забыла, а она его никому больше не показывала.

– Почему? – спросил я.

– Кого-то в мишпахе надо считать богатым и счастливым, – сказала мама. – Чтобы было кого приводить в пример! Так мне тогда сказала бабушка. И я тебе повторю то же самое.

Мама взяла у меня письмо и, не читая, отправила его в грубку. Оно съёжилось от огня, почернело, потом вспыхнуло ярким красно-белым пламенем, ослепляя глаза, и в мгновение превратилось в горсточку пепла...

Давно не стало мамы. Мы все уже давно за океаном, но в нашей мишпахе продолжает жить легенда о Борухе-Берле. Дядя Ёсл попытался найти его следы на бескрайних просторах Америки, но к вещей моей радости не нашёл. А дядя Герцл высказал мысль, что Боро Парк в Бруклине назван в честь нашего Боруха, и по правильному должен называться Борух Парк.

Борух-Берл по-прежнему остаётся главным примером для подражания в нашей мишпахе. И я думаю, ещё ни одна свадьба и бармицва в наших семьях не обойдётся без него. Я сам иногда ссылаюсь на него. Конечно, если не нахожу других аргументов.

Марат БАСКИН.

Проект „ТУРБОТА ПОКОЛІНЬ – ХЭСЭД ДОРОТ” был создан и работает при поддержке „Джойнт” (JDC) – ведущей еврейской международной гуманитарной организацией, которая более тридцати лет помогает нуждающимся евреям и развивает еврейскую жизнь в странах бывшего Советского Союза. Подробную информацию о JDC вы найдёте на сайте: www.JDC.org

Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии”.

Газета „Вместе”. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколінь – Хэсэд Дорот”.
Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная вёрстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.
Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.
Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.
☏ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.
e-mail: inejnem20@gmail.com http://hesed-dorot.ck.ua
Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.
Подписной индекс 90781.
При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт”.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.